

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Жизнь коротка

АЗБУКА-КЛАССИКА

Сергей Довлатов

Жизнь коротка (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6136242

Довлатов С. Жизнь коротка: Рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус;

Москва; 2013

ISBN 978-5-389-04814-0

Аннотация

Сергей Довлатов – один из наиболее популярных и читаемых русских писателей конца XX – начала XXI века. Его повести, рассказы и записные книжки переведены на множество языков, экранизированы, изучаются в школе и вузах. «Заповедник», «Зона», «Иностранка», «Наши», «Чемодан» – эти и другие удивительно смешные и пронзительно печальные довлатовские вещи давно стали классикой. «Отморозил пальцы ног и уши головы», «выпил накануне – ощущение, как будто проглотил заячью шапку с ушами», «алкоголизм излечим – пьянство – нет» – шутки Довлатова запоминаешь сразу и на всю жизнь, а книги перечитываешь десятки раз. Они никогда не надоедают.

Содержание

Жизнь коротка	5
На улице и дома	17
Лишний	25
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Довлатов

Жизнь коротка (сборник)

Публикуется с любезного разрешения Елены и Екатерины Довлатовых

© С. Довлатов (наследники), 2003, 2013

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

® Издательство АЗБУКА

Жизнь коротка

Левицкий раскрыл глаза и сразу начал припоминать какую-то забытую вчерашнюю метафору... «Полнолуние мятой таблетки»?.. «Банановый изгиб полумесяца»?.. Что-то в этом роде, хоть и значительнее по духу.

Метафоры являлись ночью, когда он уже лежал в постели. Записывать их маэстро ленился. Раньше они хранились в памяти до утра. Сейчас, как правило, он не без удовольствия забывал их. Сохранялось легкое облачко нереализованной метафоры. Упущенный шанс маленького словесного приключения.

Левицкий кинул взгляд на белый, амбулаторного цвета столик. Заметил огромный, дорической конфигурации торт. Начал пересчитывать тонкие витые свечи.

Господи, подумал Левицкий, еще один день рождения.

Эту фразу стоило приберечь для репортеров:

«Господи! Еще один день рождения! Какая приятная неожиданность – семьдесят лет!»

Он представил себе заголовки:

«Русский писатель отмечает семидесятилетие на чужбине». «Книги юбиляра выходят повсюду, за исключением Москвы». И наконец: «О Господи, еще один день рождения!»...

Левицкий принял душ, оделся. Захватил почту. Жена, ви-

димо, уехала за подарками. Герлинда – нечто среднее между родственницей и прислугой – обняла его. Маэстро прервал ее словами:

– Ты упомянута в завещании.

Это была их старая шутка.

Она спросила:

– Чай или кофе?

– Пожалуй, кофе.

– Какой желаете?

– Коричневый, наверное.

Потом он расслышал:

– Вас ожидает дама.

Быстро спросил:

– Не с косой?

– Привезла вам какую-то редкость. Я думаю – книгу. Сказала – инкунабула.

Левицкий, улыбаясь, произнес:

– De ses mains tombe' le livre,
Dans lequel elle n'avait rien lu.

(«Из рук ее выпала непрочитанная книга...»)

Регина Гаспарян сидела в холле больше часа. Правда, ей дали кофе с булочками. Тем не менее все это было довольно унижительно. Могли бы пригласить в гостиную. Благоговение в ней перемешивалось с обидой.

В сумочке ее лежало нечто, размером чуть поболее миниатюрного дамского браунинга «Элита-16».

Регина Гаспарян происходила из благородной обрусевшей семьи. Отец ее был довольно известным преподавателем училища Штигица. Будучи армянином, сел по делу космополитов. В пятидесятом году следователь Чуев бил его по физиономии альбомом репродукций Дега.

Мать ее была квалифицированной переводчицей. Знала Кашкина. Встречалась с Ритой Ковалевой. Месяц сопровождала Колдуэлла в его турне по Закавказью. Славилась тяжелым характером и экзотической восточной красотой.

В юности Регина была типичной советской школьницей. Участвовала в самодеятельности. Играла Зою Космодемьянскую. Отец, реабилитированный при Хрущеве, называл ее в шутку Зойка Комсомодеянская.

Наступила оттепель. В доме известного художника Гаспаряна собирались молодые люди. В основном поэты. Здесь их подкармливали, а главное – терпеливо выслушивали. Среди них выделялись Липский и Брейн.

Все они понемногу ухаживали за красивой, начитанной, стройной Региной. Посвящали ей стихи. В основном шуточные, юмористические. Брейн писал ей из Сочи в начале Даманского кризиса:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди,
Жди, когда наводят грусть *желтые* вожжи...

Наступили семидесятые годы. Оттепель, как любят выражаться эмигрантские журналисты, сменилась заморозками. Лучшие друзья уезжали на Запад.

Регина Гаспарян колебалась очень недолго. У ее мужа-физика была хорошая, так сказать, объективная профессия. Сама Регина кончила Иняз. Восьмилетняя дочь ее немного говорила по-английски. У матери были дальние родственники в Чикаго.

Семья начала готовиться к отъезду. И тут у Регины возникла неотступная мысль о Левицком.

Романы Левицкого уже давно циркулировали в самиздате. Его считали крупнейшим русским писателем в изгнании. Его даже упоминала советская литературная энциклопедия. Правда, с использованием бранных эпитетов.

Даже биографию Левицкого все знали. Он был сыном видного меньшевистского деятеля. Закончил Горный институт в Петербурге. Выпустил книгу стихов «Пробуждение», которая давно уже числилась библиографической редкостью. Эмигрировал с родителями в девятнадцатом году. Учился на историко-литературном отделении в Праге. Жил во Франции. Увлекался коллекционированием бабочек. Первый роман напечатал в «Современных записках». Год тренировал боксеров в фабричном районе Парижа. На похоронах Ходасевича избил циничного Георгия Иванова. Причем буквально на краю могилы.

Гитлера Левицкий ненавидел. Сталина – тем более. Ленина называл «смутьяном в кепочке». Накануне оккупации перебрался в Соединенные Штаты. Перешел на английский язык, который, впрочем, знал с детства. Стал единственным тогда русско-американским прозаиком.

Всю жизнь он ненавидел хамство, антисемитизм и цензуру. Года за три до семидесятилетнего юбилея возненавидел Нобелевский комитет.

Все знали о его чудачествах. О проведенной мелом линии через три комнаты его гостиничного номера в Швейцарии. (Жене и кухарке запрещалось ступать на его территорию.) О многолетнем безнадежном иске против соседа, который чересчур увлекался музыкой Вагнера. О его вечеринках с угощением, изготовленным по древнегреческим рецептам. О его дуэли с химиком Булавенко, усевшимся в подпитии на клавиши рояля. О его знаменитом высказывании: «Где-то в Сибири должна быть художественная литература...»

И так далее.

О его высокомерии ходили легенды. Так же, как и о его недоступности. Что, по существу, одно и то же. Знаменитому швейцарскому писателю, добивавшемуся встречи, Левицкий сказал по телефону:

«Заходите после двух – лет через шесть...»

О чем говорить, если даже знакомство с кухаркой Левицкого почиталось великой удачей...

В общем, Регину Гаспарян спросили:

– Что ты собираешься делать на Западе?

В ответ прозвучало:

– Многое будет зависеть от разговора с Левицким.

Я думаю, она хотела стать писательницей. Суждениям друзей не очень верила. Обращаться к советским знаменитостям не хотела. Ей не давала покоя кем-то сказанная фраза:

«Шапки долой, господа! Перед вами – гений!»

Кто это сказал? Когда? О ком?..

Накануне отъезда Регина позвонила трем знакомым книжным спекулянтам. Первого звали Савелий. Он сказал:

– «Пробуждение» – это, мать,дохлый номер.

– В смысле?

– Вариант типа «я извиняюсь».

– То есть?

– Операция – «туши свет».

– Если можно, выражайтесь попроще.

– Товар вне прейскуранта.

– Что это значит?

– Это значит – цены фантастические.

– Например?

– Как говорится – от и до.

– Не понимаю.

– От трех и до пяти. Как у Чуковского.

– От трех и до пяти – чего? Сотен?

– Ну.

– А у Чуковского – от двух.

– Так цены же растут...

Регина позвонила другому с фамилией или кличкой – Шмыгло. Он сказал:

– Что это за Левицкий? И что это еще за «Пробуждение»? Не желаете ли Сименона?..

Третий спекулянт ответил:

– Юношеский сборник Левицкого у меня есть. К сожалению, он не продается. Готов обменять его на четырехтомник Мандельштама.

В результате состоялся долгий тройной обмен. Регина достала кому-то заграничный слуховой аппарат. Кого-то устроили по блату в Лесотехническую академию. Кому-то досталось смягчение приговора за вымогательство и шантаж. Еще кому-то – финская облицовочная плитка. На последнем этапе фигурировал четырехтомник Мандельштама. (Под редакцией Филиппова и Струве.)

Через месяц Регина держала перед собой тонкую зеленую книжку. Издательство «Гиперборей». Санкт-Петербург. 1916 год. Иван Левицкий. «Пробуждение».

Регина знала, что у самого Левицкого нет этой книги. Об этом шла речь в его знаменитом интервью по «Голосу Америки». Левицкого спросили:

– Ваше отношение к юношеским стихам?

– Они забыты. Это были эскизы моих же последующих романов. Их не существует. Последним экземпляром знаменитый горец растопил буржуйку у себя на даче в Кунцеве.

Зимой Регина получила разрешение на выезд. Дальше было всякое. Отвратительная сцена на таможне. Три месяца нищеты в Ладисполе. Душное нью-йоркское лето, когда они с мужем боялись ночью выйти из гостиницы. Первая контора, откуда ее уволили с формулировкой «излишнее рвение». Несколько рассказов в эмигрантской газете, за которые ей уплатили по тридцать долларов. Затем стремительное восхождение мужа – его неожиданно пригласила фирма «Эксон». А значит, собственный домик, поездки в Европу, разговоры о налогах...

Прошло лет шесть. Регина выпустила первую книгу. Она вызвала положительную реакцию. Кстати, одним из рецензентов был я.

Все эти годы она добивалась знакомства с Левицким. Через Гордея Булаховича познакомилась с его восьмидесятилетней кузиной. Но к этому времени та успела поссориться со знаменитым родственником. Конкретно, они заспорили – где именно стояла баня в родовом поместье Левицких – Ховрино.

Регина обращалась к Янсону, протоиерею Константину, дочери Зайцева – Ольге Борисовне.

Старый писатель Янсон ответил:

«Левицкий сказал обо мне Эдмунду Уилсону, что я, извините, говно...»

Отец Константин написал ей:

«Левицкий не христианин. Он слишком эгоистичен для

этого. Адресочком его, виноват, не располагаю...»

Зайцева-Рейнольдс прислала какой-то берлинский адрес и записку:

«Последний раз я видела этого несносного мальчика в тридцать четвертом году. Мы встретились на премьере „Тангейзера“. Он, помнится, сказал:

– Такое впечатление, что неожиданно запели ожившие картонные доспехи.

С тех пор мы не виделись. Боюсь, что его адрес мог измениться».

И все-таки Регина получила его швейцарский адрес. Как выяснилось, адрес был у издателя Поляка. Регина написала Левицкому короткое письмо. Тот откликнулся буквально через две недели:

«Адрес вы знаете. После шести я работаю. Так что приходите утром. И, пожалуйста, без цветов, которые имеют обыкновение вянуть. Постскриптум: не споткнитесь о мои ботинки, которые я ночью выставляю за дверь».

Сидя в холле, Регина задумалась. Почему этот человек живет в отеле? Может быть, ему претит идея собственности? Надо бы задать ему этот вопрос. И еще – что Левицкий думает о Солженицыне? Ведь они такие разные...

– Здравствуйте, Иван Владимирович!

– Мое почтение, – ответил рослый, коротко стриженный господин.

Затем он, не садясь, поинтересовался:

– Выпьете что-нибудь?

– У меня кофе... А вы?

Левицкий улыбнулся и медленно продекламировал:

Я пью неразбавленный виски,
Пью водку с зернистой икрой,
А друг мой, писатель Левицкий,
Лишь бабочек мучить герой...

– Это стихи одного моего приятеля.

И затем, после двух секунд молчания:

– Чем, сударыня, могу быть вам полезен?

Регина слегка наклонилась вперед:

– Надо ли говорить, что я ваша давняя поклонница. Особенно ценю «Далекий берег», «Шар», «Происхождение танго». Все это я прочитала еще дома. Риск лишь увеличивал эстетическое наслаждение...

– Да, – кивнул Левицкий, – я знаю. Это что-то вроде Поль де Кока или Мопассана. Читаешь в детстве с риском быть застигнутым... Извините, чем могу служить?

Регина чуть смутилась. Главное, не делать пауз... А он и вправду женоненавистник...

– Я знаю, что у вас сегодня день рождения.

– Спасибо, что напомнили. Еще один день рождения.

Приятная неожиданность – семьдесят лет.

Левицкий вдруг перешел на шепот. Глаза его странно округлились.

– Запомните главное, – сказал он, – жизнь коротка...

Регина, преодолевая смущение, выговорила:

– Разрешите кое-что преподнести вам... Я надеюсь... Я уверена... Короче – вот...

Левицкий принял маленькую желтую бандероль. Вскрыл ее, достав из кармана маникюрные ножницы. Теперь он держал в руках свою книгу. Старинный шрифт, отклеившийся корешок, тридцать восемь листков ужасной промышленной бумаги.

Он раскрыл шестую страницу. Прочитал заглавие – «Тропинки сна». Вот он, знакомый неграмотный перенос – «смущение». Да еще с непропечатавшимся хвостиком у «ща».

– О Господи, – сказал Левицкий, – чудо! Где вы это достали? Я был уверен, что экземпляров не существует. Я разыскивал их по всему миру...

– Возьмите, – сказала Регина, – и еще...

Она достала из сумки рукопись в узком конверте. Левицкий учтиво ждал. Давно разработанным усилием он подавил страдальческую гримасу на лице. Потом спросил:

– Это ваше?

Регина отвечала с должной небрежностью:

– Это мои последние рассказы. Не лучшие, увы. Хотелось бы... Если это возможно... Короче, ваше мнение... Буквально в двух словах...

– Вас интересует письменный отзыв?

– Да, знаете ли, буквально три слова... Независимо от...

– Я пришлю вам открытку.

– Замечательно. Мой адрес на последней странице.

Левицкий привстал:

– А теперь извините меня. Процедуры.

Звякнув ложечкой, Регина отодвинула чашку. «Мог бы поинтересоваться, где я остановилась...»

Левицкий поцеловал ей руку:

– Спасибо. Боюсь, мои юношеские стихи не заслуживали ваших хлопот.

Он кивнул и направился в сторону лифта. Регина, нервно закуривая, пошла к вертящейся двери.

Левицкий поднялся на третий этаж. У порога своего номера остановился. Вынул из конверта рукопись. Оторвал клочок бумаги с адресом. Сунул его в карман байковых штанов. Приподнял никелированный отвес мусоропровода. Подержал на ладони маленькую книжку и затем торжествующе уронил ее в гулкую черноту. Туда же, задевая стенки мусоропровода, полетела рукопись. Он успел заметить название «Лето в Карлсбаде». Мгновенно родился текст:

«Прочитал ваше теплое ясное „Лето“ – дважды. В нем есть ощущение жизни и смерти. А также – предчувствие осени. Поздравляю...»

Он зашел в свой номер. Тотчас позвонил кухарке и сказал:

– Сыграем в акулину?

На улице и дома

Моя жена сказала:

– И еще звонил Габович. У него есть дело. Обещал зайти.

– Я знаю. Наверное, хочет дрель попросить. Мне говорили, он купил стеллаж...

Габович был моим соседом и коллегой. Вернее, не совсем коллегой – он был филологом. Работал над сенсационной книгой. Называлась она – «Встречи с Ахматовой». И подзаголовок: «Как и почему они не состоялись». Что-то в этом роде...

Я начал зашнуровывать ботинки.

– Ты куда?

– Прогуляюсь. Куплю сигареты.

– А как же Габович?

– Если он меня застанет, это будет долгий разговор. А мне работать надо.

– Когда же ты вернешься?

– Как только он уйдет. Подай мне знак.

– Какой?

– Зажги, допустим, свет в уборной.

– Свет в уборной и так постоянно горит.

– Тогда потуши.

– Лучше я повешу на окно вот эту тряпку.

– Ладно...

Я спустился в холл. Крадучись, проследовал мимо лифта. Вышел на улицу. К этому времени начало темнеть. Кроме того, я перешел через дорогу. Так что Габович не должен был меня заметить.

Я купил пачку «Мальборо». Прогулялся до русского магазина. Взял для мамы газету. Тут же у кассы выпил бутылку «Перье».

Потом меня остановил Давыдов из «Русского слова». Спросил, как дела. Я в ответ поинтересовался:

– Как здоровье Эпштейна?

– Да вот, – отвечает, – собираюсь в больницу ему позвонить. Инфаркт – это, сам понимаешь, не шутки.

– Привет ему, – говорю...

Я вернулся к дому. Белой тряпки не было. А между тем становилось все прохладнее.

Тогда я зашел в «Подмосковье», спросил чашку кофе. Может, думаю, съем что-нибудь.

– Давайте, – говорю, – меню.

– Меню нет.

– То есть как это нет?

– Я вам и так скажу, что есть.

– Я не запомню.

– Запомните. Потому что у нас есть только шашлык.

– Поразительно, – говорю, – я как раз шашлык-то и хотел...

Я поел. Выпил кофе. К этому времени публика собралась,

музыка заиграла. Помню, руководитель ансамбля воскликнул:

– Внук Ираклий поздравляет с днем рождения бабушку Натэллу. В ее честь исполняется лирическая песня...

Он выждал паузу и торжественно договорил:

– Лирическая песня: «Ты еще жива, моя старушка!..»

Я расплатился и вышел на улицу. К этому времени стемнело. Наш шестиэтажный дом массивно выступал из темноты.

Однако тряпки не было.

Между тем я почувствовал холод. Зашел в спортивный магазин напротив фотоателье. Купил себе фуфайку за тридцать долларов. Тут же натянул ее. И лишь тогда заметил спереди эмблему – череп, две берцовые кости плюс шизофреническая надпись: «Ты это прочел? Значит, ты подошел слишком близко!»

Хожу я по улице в этой дегенеративной фуфайке. Приближаюсь к своему дому. Свет в окне горит, а тряпки нет.

Я подошел к автомату. Трубку берет жена. Я говорю:

– Отвечай только «да» или «нет».

– Нет, – сказала моя жена.

– Что – нет?

Молчание.

– Габович у нас?

– Да.

– А ты говоришь – нет... Он уходит не собирается?

– Да.

– Что – да? Да – собирается? Или да – не собирается?

– Я думаю – нет.

– Значит, не собирается?

– Нет.

– Смотри не угощай его.

– Ни в коем случае.

– Про тряпку не забыла?

– Нет...

Я снова прошелся до русского магазина. Встретил Давыдова. Он говорит:

– Ты знаешь новость – Эпштейн скончался. Я только что ему в больницу позвонил. Хотел заехать, навестить, и вот...

– Ужасно, – говорю...

Тут я решил позвонить одной знакомой женщине. Так, ничего особенного. Просто знакомая женщина лет тридцати из соседнего дома. Без мужа.

Порылся в записной книжке. Звоню. Эта самая Нелли мне отвечает:

– А, это ты?! Я думала, забыл меня совсем...

– Можно, – спрашиваю, – зайти?

Тут некоторая пауза возникла. И затем:

– Ты извини, я не одна.

– Ладно, – говорю, – в следующий раз.

В ответ раздается:

– Следующего раза не будет. Между нами все кончено. У

тебя жена и дочка. Должна я наконец и о себе подумать?..

И Нелли повесила трубку.

Тут я задумался. Все люди жестоки по-разному. Мужчины, например, грубят и лгут. Изворачиваются, как только могут. Однако даже самый жестокий мужчина не крикнет тебе: «Уходи! Между нами все кончено!..» Что касается женщин, то они произносят все это с легкостью и даже не без удовольствия: «Уходи! Ты мне противен! Не звони мне больше!..»

Сначала они плачут и рыдают. Потом заводят себе другого и кричат: «Уходи!»

Уходи! Да я такого и произнести не в состоянии...

Я взглянул на часы – половина одиннадцатого. Кинотеатры закрыты. Денег практически нет. Дело приближается к ночи.

Окна мои призывно светились. Белая тряпка отсутствовала.

Зато хоть окончательно стемнело. Череп и кости на моей фуфайке перестали выделяться. Да и надпись утратила смысл.

Я снова позвонил домой. И звука еще не произнес, а жена мне твердо отвечает:

– Нет.

– Нет в смысле – да? Габович у нас?

– Да, – слышу.

И думаю – что там у них происходит? Может, какой-то серьезный разговор? Или какое-то важное дело?

Даже чувство ревности во мне зашевелилось.

Вешаю трубку. Звоню Рафаилу, который торгует недвижимостью. Благо живет Рафаил за углом.

– У тебя деньги, – спрашиваю, – есть?

– Допустим, нет. Зато есть виза, мастер-кард, американ-экспресс... А что?

– Поедем куда-нибудь.

– В смысле?

– Я не знаю... В Канаду... Или в Бразилию...

– С удовольствием, – отвечает, – но у меня Рита больна.

Может, через недельку?

– Через недельку, – говорю, – я уже, пожалуй, дома буду.

– А сейчас ты где?

– Гуляю.

– Ты выпил?

– Это мысль. Брось-ка мне в окошко долларов пятнадцать.

– Я же сказал – денег нет. Завтра будут.

– А до завтра мне под окнами бродить?

– Если хочешь, зайди.

– Лучше сделай мне одолжение. Позвони в «Форест дайнер». Предъяви свою визу. Скажи, чтоб выдали мне дринок. Точнее, два. А деньги я при случае верну.

Я зашел в «Форест дайнер». Опрокинул два бокала рома с пепси-колой. Выкурил сигарету и решительно направился к дому.

Был первый час ночи. Мое окно светилось ярко и госте-

приимно. Кстати, свет в уборной был погашен. Может, Габович погасил?..

Я поднялся в лифте на шестой этаж. Достал свой ключ. Дверь отворилась. Габович стоял на пороге. Он был в пальто. Он что-то говорил, жестикулируя и стряхивая пепел. Завидев меня, расплылся в улыбке.

Моя жена сказала:

– Я ему тысячу раз говорила – снимите пальто. А он ни в какую.

– Я же на минутку, – сказал Габович, – мне пора идти. Хотя теперь чего там... Сергей явился – можно поболтать...

Он снял пальто. Затем присел к столу и начал:

– Знаете ли вы, что у меня есть редкостные фотографии Ахматовой?

– Какие фотографии? – спрашиваю.

– Я же сказал – фотографии Ахматовой.

– Какого года?

– Что – какого года?

– Какого года фотографии?

– Ну, семьдесят четвертого. А может, семьдесят шестого.

Я не помню.

– Задолго до этого она умерла.

– Ну и что? – спросил Габович.

– Как – ну и что? Так что же запечатлено на этих фотографиях?

– Какая разница? – миролюбиво вставила жена.

– Там запечатлен я, – сказал Габович, – там запечатлен я на могиле Ахматовой.

Когда он направился в уборную, моя жена шепнула:

– Веди себя прилично. Я тебя умоляю. И так все говорят, что у Довлатова совершенно невыносимый характер.

Лишний

Как обычно, не хватило спиртного, и, как всегда, я предвидел это заранее. А вот с закуской не было проблем. Да и быть не могло. Какие могут быть проблемы, если Севастьянову удавалось разрезать обыкновенное яблоко на шестьдесят четыре дольки?!

Помню, дважды бегали за «Стрелецкой». Затем появились какие-то девушки из балета на льду. Шаблинский все глядел на девиц, повторяя:

– Мы растопим этот лед... Мы растопим этот лед...

Наконец подошла моя очередь бежать за водкой. Шаблинский отправился со мной. Когда мы вернулись, девушек не было.

Шаблинский сказал:

– А бабы-то умнее, чем я думал. Поели, выпили и ретировались.

– Ну и хорошо, – произнес Севастьянов, – давайте я картошки отварю.

– Ты бы еще нам каши предложил! – сказал Шаблинский.

Мы выпили и закурили. Алкоголь действовал неэффективно. Ведь напиться как следует – это тоже искусство...

Девушкам в таких случаях звонить бесполезно. Раз уж пьянка не состоялась, то все. Значит, тебя ждут сплошные унижения. Надо менять обстановку. Обстановка – вот что

главное.

Помню, Тофик Алиев рассказывал:

– Дома у меня рояль, альков, серебряные ложки... Картины чуть ли не эпохи Возрождения... И – никакого секса. А в гараже – разный хлам, покрышки старые, брезентовый чехол... Так я на этом чехле имел половину хореографического училища. Многие буквально уговаривали – пошли в гараж! Там, мол, обстановка соответствующая...

Шаблинский встал и говорит:

– Поехали в Таллинн.

– Поедем, – говорю.

Мне было все равно. Тем более что девушки исчезли.

Шаблинский работал в газете «Советская Эстония». Гостил в Ленинграде неделю. И теперь возвращался с okazji домой.

Севастьянов вяло предложил не расходиться. Мы попрощались и вышли на улицу. Заглянули в магазин. Бутылки оттягивали наши карманы. Я был в летней рубашке и в кедах. Даже паспорт отсутствовал.

Через десять минут подъехала «Волга». За рулем сидел угрюмый человек, которого Шаблинский называл Гришаня.

Гришаня всю дорогу безмолвствовал. Водку пить не стал. Мне даже показалось, что Шаблинский видел его впервые.

Мы быстро проскочили невзрачные северо-западные окраины Ленинграда. Далее следовали однообразные поселки, бледноватая зелень и медленно текущие речки. У пере-

езда Гришаня затормозил, распахнул дверцу и направился в кусты. На ходу он деловито расстегивал ширинку, как человек, пренебрегающий условностями.

– Чего он такой мрачный? – спрашиваю.

Шаблинский ответил:

– Он не мрачный. Он под следствием. Если не ошибаюсь, там фигурирует взятка.

– Он что, кому-то взятку дал?

– Не идеализируй Гришу. Гриша не давал, а брал. Причем в неограниченном количестве. И вот теперь он под следствием. Уже подписку взяли о невыезде.

– Как же он выехал?

– Откуда?

– Из Ленинграда.

– Он дал подписку в Таллинне.

– Как же он выехал из Таллинна?

– Очень просто. Сел в машину и поехал. Грише уже нечего терять. Его скоро арестуют.

– Когда? – задал я лишний вопрос.

– Не раньше чем мы окажемся в Таллинне...

Тут Гришаня вышел из кустов. На ходу он сосредоточенно застегивал брюки. На крепких запястьях его что-то сверкало.

«Наручники?» – подумал я.

Потом разглядел две пары часов с металлическими браслетами.

Мы поехали дальше.

За Нарвой пейзаж изменился. Природа выглядела теперь менее беспорядочно. Дома – более аккуратно и строго.

Шаблинский выпил и задремал. А я все думал – зачем? Куда и зачем я еду? Что меня ожидает? И до чего же глупо складывается жизнь!..

Наконец мы подъехали к Таллинну. Миновали безликие кирпичные пригороды. Затем промелькнула какая-то готика. И вот мы на Ратушной площади.

Звякнула бутылка под сиденьем. Машина затормозила. Шаблинский проснулся.

– Вот мы и дома, – сказал он.

Я выбрался из автомобиля. Мостовая отражала расплывчатые неоновые буквы. Плоские фасады сурово выступали из мрака. Пейзаж напоминал иллюстрации к Андерсену.

Шаблинский протянул мне руку:

– Звони.

Я не понял.

Тогда он сказал:

– Нелька волнуется.

Тут я по-настоящему растерялся. Я даже спросил от безнадёжности:

– Какая Нелька?

– Да жена, – сказал Шаблинский, – забыл? Ты же первый и отключился на свадьбе...

Шаблинский давно уже работал в партийной газете. По-

ложение функционера не слишком его тяготило. В нем даже сохранилось какое-то обаяние.

Вообще я заметил, что человеческое обаяние истребить довольно трудно. Куда труднее, чем разум, принципы или убеждения. Иногда десятилетия партийной работы оказываются бессильны. Честь, бывает, полностью утрачена, но обаяние сохранилось. Я даже знавал, представьте себе, обаятельного начальника тюрьмы в Мордовии...

Короче, Шаблинский был нормальным человеком. Если и делал подлости, то без ненужного рвения. Я с ним почти дружил. И вот теперь:

– Звони, – повторил он...

В Таллинне я бывал и раньше. Но это были служебные командировки. То есть с необходимыми бумагами, деньгами и гостиницей. А главное – с ощущением пошлой, но разумной цели.

А зачем я приехал сейчас? Из редакции меня уволили. Денег в кармане – рублей шестнадцать. Единственный знакомый торопится к жене. Гришаня – и тот накануне ареста.

Тут Шаблинский задумался и говорит:

– Идея. Поезжай к Бушу. Скажи, что ты от меня. Буш тебя охотно приютит.

– Кто такой Буш?

– Буш – это нечто фантастическое. Сам увидишь. Думаю, он тебе понравится. Телефон – четыре, два нуля, одиннадцать.

Мы попрощались. Гришаня сидел в автомобиле. Шаблинский махнул ему рукой и быстро свернул за угол. Так и бросил меня в незнакомом городе. Удивительно, что неделю спустя мы будем работать в одной газете и почти дружить.

Тут медленно опустилось стекло автомобиля и выглянул Гришаня.

– Может, тебе деньги нужны? – спросил он.

Деньги были нужны. Более того – необходимы. И все-таки я ответил:

– Спасибо. Деньги есть.

Впервые я разглядел Гришанино лицо. Он был похож на водолаза. Так же одинок и непроницаем.

Мне захотелось сказать ему что-то приятное. Меня поразило его благородство. Одалживать деньги перед арестом, что может быть изысканнее такого категорического неприятия судьбы?..

– Желаю удачи, – сказал я.

– Чао, – коротко ответил Гришаня.

С работы меня уволили в начале октября. Конкретного повода не было. Меня, как говорится, выгнали «по совокупности». Видимо, я позволял себе много лишнего.

В журналистике каждому разрешается делать что-то одно. В чем-то одном нарушать принципы социалистической морали. То есть одному разрешается пить. Другому – хулиганить. Третьему – рассказывать политические анекдоты. Чет-

вертому – быть евреем. Пятому – беспартийным. Шестому – вести аморальную жизнь. И так далее. Но каждому, повторяю, дозволено что-то одно. Нельзя быть одновременно евреем и пьяницей. Хулиганом и беспартийным...

Я же был пагубно универсален. То есть разрешал себе всего понемногу.

Я выпивал, скандалил, проявлял идеологическую близорукость. Кроме того, не состоял в партии и даже частично был евреем. Наконец, моя семейная жизнь все более запутывалась.

И меня уволили. Вызвали на заседание парткома и сказали:

– Хватит! Не забывайте, что журналистика – передовая линия идеологического фронта. А на фронте главное – дисциплина. Этого-то вам и не хватает. Ясно?

– Более или менее.

– Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод. Проявите себя на тяжелой физической работе. Станьте рабочим. Отражайте в своих корреспонденциях подлинную жизнь...

Тут я не выдержал.

– Да за подлинную жизнь, – говорю, – вы меня без суда расстреляете!

Участники заседания негодующе переглянулись. Я был уволен «по собственному желанию».

После этого я не служил. Редактировал какие-то генераль-

ские мемуары. Халтурил на радио. Написал брошюру «Коммунисты покорили тундру». Но даже и тут совершил грубую политическую ошибку. Речь в брошюре шла о строительстве Мончегорска. События происходили в начале тридцатых годов. Среди ответственных работников было много евреев. Припоминаю каких-то Шимкуса, Фельдмана, Рапопорта... В горкоме ознакомились и сказали:

– Что это за сионистская прокламация? Что это за мифические евреи в тундре? Немедленно уничтожить весь тираж!..

Но гонорар я успел получить. Затем писал внутренние рецензии для журналов. Анонимно сотрудничал на телевидении. Короче, превратился в свободного художника. И наконец занесло меня в Таллинн...

Около магазина сувениров я заметил телефонную будку. Припомнил цифры: четыре, два нуля, одиннадцать.

Звоню. Отвечает женский голос:

– Слушаю! – У нее получилось – «свушаю». – Свушаю, мивенький!

Я попросил к телефону Эрика Буша. В ответ прозвучало:

– Его нет. Я прямо вовнуюсь. Он дал мне своо не задерживаться. Так что приходите. Мы свавно побовтаем...

Женщина довольно толково продиктовала мне адрес. Объяснила, как ехать.

Миниатюрный эстонский трамвай раскачивался на поворотах. Через двадцать минут я был в Кадриорге. Легко

разыскал полуразрушенный бревенчатый дом.

Дверь мне отворила женщина лет пятидесяти, худая, с бледно-голубыми волосами. Кружева ее лилового пеньюара достигали золотых арабских туфель. Лицо было густо напудрено. На щеках горел химический румянец. Женщина напоминала героиню захоластной оперетты.

– Эрик дома, – сказала она, – проходите.

Мы с трудом разминулись в узкой прихожей. Я зашел в комнату и обмер. Такого чудовищного беспорядка мне еще видеть не приходилось.

Обеденный стол был завален грязной посудой. Ключья зеленоватых обоев свисали до полу. На рваном ковре толстым слоем лежали газеты. Сиамская кошка перелетала из одного угла в другой. У двери выстроились пустые бутылки.

С продавленного дивана встал мужчина лет тридцати. У него было смуглое мужественное лицо американского киногероя. Лацкан добротного заграничного пиджака был украшен гвоздикой. Полуботинки сверкали. На фоне захламленного жилища Эрик Буш выглядел космическим пришельцем.

Мы поздоровались. Я неловко и сбивчиво объяснил ему, в чем дело.

Буш улыбнулся и неожиданно заговорил гладкими певучими стихами:

– Входи, полночный гость! Чулан к твоим услугам. Кофейник на плите. В шкафу голландский сыр. Ты братом ста-

нешь мне. Галине станешь другом. Люби ее, как мать. Люби ее, как сын. Пускай кругом бардак...

– Есть свадкие бувочки! – вмешалась Галина.

Буш прервал ее мягким, но величественным жестом:

– Пускай кругом бардак – есть худшие напасти! Пусть дует из окна. Пусть грязен наш сортир... Зато – и это факт – тут нет советской власти. Свобода – мой девиз, мой фетиш, мой кумир!

Я держался так, будто все это нормально. Что мне оставалось делать? Уйти из дома в первом часу ночи? Обратиться в «Скорую помощь»?

Кроме того, человеческое безумие – это еще не самое ужасное. С годами оно для меня все более приближается к норме. А норма становится чем-то противоестественным.

Нормальный человек бросил меня в полном одиночестве. А ненормальный предлагает кофе, дружбу и чулан...

Я напрягся и выговорил:

– Быть вашим гостем чрезвычайно лестно. От всей души спасибо за приют. Тем более что, как давно известно, все остальные на меня плюют...

Затем мы пили кофе, ели булку с джемом. Сиамская кошка прыгнула мне на голову. Галина завела пластинку Оффенбаха.

Разошлись мы около двух часов ночи.

У Буша с Галиной я прожил недели три. С каждым днем

они мне все больше нравились. Хотя оба были законченными шизофрениками.

Эрик Буш происходил из весьма уважаемой семьи. Его отец был доктором наук и профессором математики в Риге. Мать заведовала сектором в республиканском Институте тканей. Годом к семи Буш возненавидел обоих. Каким-то чудом он почти с рождения был антисоветчиком и нон-конформистом. Своих родителей называл – «выдвиженцы».

Окончив школу, Буш покинул Ригу. Больше года плавал на траулере. Затем какое-то время был пляжным фотографом. Поступил на заочное отделение Ленинградского института культуры. По окончании его стал журналистом.

Казалось бы, человеку с его мировоззрением такая деятельность противопоказана. Ведь Буш не только критиковал существующие порядки. Буш отрицал саму историческую реальность. В частности – победу над фашистской Германией.

Он твердил, что бесплатной медицины не существует. Делился сомнениями относительно нашего приоритета в космосе. После третьей рюмки Буш выкрикивал:

– Гагарин в космос не летал! И Титов не летал!.. А все советские ракеты – это огромные консервные банки, наполненные глиной...

Казалось бы, такому человеку не место в советской журналистике. Тем не менее Буш выбрал именно это занятие.

Решительный нонконформизм уживался в нем с абсолютной беспринципностью. Это бывает.

В творческой манере Буша сказывались уроки немецкого экспрессионизма. Одна из его корреспонденций начиналась так:

«Настал звездный час для крупного рогатого скота. Участники съезда ветеринаров приступили к работе. Пахнущие молоком и навозом ораторы сменяют друг друга...»

Сначала Буш работал в провинциальной газете. Но захолустье ему быстро наскучило. Для небольшого северного городка он был чересчур крупной личностью.

Два года назад Буш переехал в Таллинн. Поселился у какой-то стареющей женщины.

В Буше имелось то, что роковым образом действует на стареющих женщин. А именно – бедность, красота, саркастический юмор, но главное – полное отсутствие характера.

За два года Буш обольстил четырех стареющих женщин. Галина Аркадьевна была пятой и самой любимой. Остальные сохранили к Бушу чувство признательности и восхищения.

Злые языки называли Буша альфонсом. Это было несправедливо. В любви к стареющим женщинам он руководствовался мотивами альтруистического порядка. Буш милостиво разрешал им обрушиваться на себя водопады горьких запоздалых эмоций.

Постепенно о Буше начали складываться легенды. Он беспрерывно попадал в истории.

Однажды Буш поздно ночью шел через Кадриорг. К нему подошли трое. Один из них мрачно выговорил:

– Дай закурить.

Как в этой ситуации поступает нормальный человек? Есть три варианта сравнительно разумного поведения.

Невозмутимо и бесстрашно протянуть хулигану сигареты.

Быстро пройти мимо, а еще лучше – стремительно убежать.

И последнее – нокаутировав того, кто ближе, срочно ретироваться.

Буш избрал самый губительный, самый нестандартный вариант. В ответ на грубое требование Буш изысканно произнес:

– Что значит – дай? Разве мы пили с вами на брудершафт?!

Уж лучше бы он заговорил стихами. Его могли бы принять за опасного сумасшедшего. А так Буша до полусмерти избили. Наверное, хулиганов взбесило таинственное слово – «брудершафт».

Теряя сознание, Буш шептал:

– Ликуйте, смерды! Зрю на ваших лицах грубое торжество плоти!..

Неделю он пролежал в больнице. У него были сломаны ребра и вывихнут палец. На лбу появился романтический шрам...

Буш работал в «Советской Эстонии». Года полтора его

держали внештатным корреспондентом. Шли разговоры о том, чтобы дать ему постоянное место. Главный редактор, улыбаясь, поглядывал в его сторону. Сотрудники прилично к нему относились. Особенно – стареющие женщины. Завидев Буша, они шептались и краснели.

Штатная должность означала многое. Особенно – в республиканской газете. Во-первых, стабильные деньги. Кроме того, множество разнообразных социальных льгот. Наконец, известную степень личной безнаказанности. То есть главное, чем одаривает режим свою номенклатуру.

Буш нетерпеливо ожидал зачисления в штат. Он, повторяю, был двойственной личностью. Мятежность легко уживалась в нем с отсутствием принципов. Буш говорил:

– Чтобы низвергнуть режим, я должен превратиться в один из его столпов. И тогда вся постройка скоро зашатается...

Приближалось 7 Ноября. Редактор вызвал Буша и сказал:

– Решено, Эрнст Леопольдович, поручить вам ответственное задание. Берете в секретариате пропуск. Едете в Морской торговый порт. Беседуете с несколькими западными капитанами. Выбираете одного, наиболее лояльного к идеям социализма. Задаете ему какие-то вопросы. Добиваетесь более или менее подходящих ответов. Короче, берете у него интервью. Желательно, чтобы моряк поздравил нас с шестьдесят третьей годовщиной Октябрьской революции. Это не значит, что он должен выкрикивать политические лозунги.

Вовсе нет. Достаточно сдержанного уважительного поздравления. Это все, что нам требуется. Ясно?

– Ясно, – ответил Буш.

– Причем нужен именно западный моряк. Швед, англичанин, норвежец, типичный представитель капиталистической системы. И тем не менее лояльный к советской власти.

– Найду, – заверил Буш, – такие люди попадаются. Помню, разговорился я в Хабаровске с одним матросом швейцарского королевского флота. Это был наш человек, все Ленина цитировал.

Редактор вскинул брови, задумался и укоризненно произнес:

– В Швейцарии, товарищ Буш, нет моря, нет короля, а следовательно, нет и швейцарского королевского флота. Вы что-то путаете.

– Как это нет моря? – удивился Буш. – А что же там есть, по-вашему?

– Суша, – ответил редактор.

– Вот как, – не сдавался Буш. – Интересно. Очень интересно... Может, и озер там нет? Знаменитых швейцарских озер?!

– Озера есть, – печально согласился редактор, – а швейцарского королевского флота – нет... Можете действовать, – закончил он, – но будьте, пожалуйста, серьезнее. Мы, как известно, думаем о предоставлении вам штатной работы. Это задание – во многом решающее. Желаю удачи...

Таллиннский порт расположен в двадцати минутах езды от центра города.

Буш отправился на задание в такси. Зашел в редакцию портовой многотиражки. Там как раз отмечали сорокалетие фотографа Левы Баранова. Бушу протянули стакан ликера. Буш охотно выпил и сказал:

– Мне нельзя. Я на задании.

Он выпил еще немного и стал звонить диспетчеру. Диспетчер рекомендовал Бушу западногерманское торговое судно «Эдельвейс».

Буш выпил еще один стакан и направился к четвертому пирсу.

Капитан встретил Буша на трапе. Это был типичный морской волк, худой, краснолицый, с орлиным профилем. Звали его Пауль Руди.

Диспетчер предупредил капитана о визите советского журналиста. Тот пригласил Буша в каюту.

Они разговорились. Капитан довольно сносно объяснялся по-русски. Коньяк предпочитал – французский.

– Это «Кордон-бло», – говорил он, – рекомендую. Двести марок бутылка.

Сознавая, что пьянеет, Буш успел задать вопрос:

– Когда ты отчаливаешь?

– Завтра в одиннадцать тридцать.

Теперь о деле можно было и не заговаривать. Накануне

отплытия капитан мог произнести все, что угодно. Кто будет это проверять?

Беседа велась откровенно и просто.

– Ты любишь женщин? – спрашивал капитан.

– Люблю, – говорил Буш, – а ты?

– Еще бы! Только моя Луиза об этом не догадывается. Я люблю женщин, выпивку и деньги. Ты любишь деньги?

– Я забыл, как они выглядят. Это такие разноцветные бумажки?

– Или металлические кружочки.

– Я люблю их больше, чем футбол! И даже больше, чем женщин. Но я люблю их чисто платонически...

Буш пил, и капитан не отставал. В каюте плавал дым американских сигарет. Из невидимой радиоточки долетала гавайская музыка. Разговор становился все более откровенным.

– Если бы ты знал, – говорил журналист, – как мне все опротивело! Надо бежать из этой проклятой страны!

– Я понимаю, – соглашался капитан.

– Ты не можешь этого понять! Для тебя, Пауль, свобода – как воздух! Ты его не замечаешь. Ты им просто дышишь. Понять меня способна только рыба, выброшенная на берег.

– Я понимаю, – говорил капитан, – есть выход. Ты же немец. Ты можешь эмигрировать в свободную Германию.

– Теоретически это возможно. Практически – исключено. Да, мой папаша – обрусевший курляндский немец. Мать –

из Польши. Оба в партии с тридцать шестого года. Оба – выдвиженцы, слуги режима. Они не подпишут соответствующих бумаг.

– Я понимаю, – твердил капитан, – есть другой выход. Иди в торговый флот, стань матросом. Добейся получения визы. И, оказавшись в западном порту, беги. Проси убежища.

– И это фикция. Я ведь на плохом счету. Мне не откроют визы. Я уже добивался, пробовал... Увы, я обречен на медленную смерть.

– Понимаю... Можно спрятать тебя на «Эдельвейсе». Но это рискованно. Если что, тебя будут судить как предателя...

Капитан рассуждал очень здраво. Слишком здраво. Вообще для иностранца он был на редкость компетентен. У трезвого человека это могло бы вызвать подозрения. Но Буш к этому времени совершенно опьянел. Буш ораторствовал:

– Свободен не тот, кто борется против режима. И не тот, кто побеждает страх. А тот, кто его не ведает. Свобода, Пауль, – функция организма! Тебе этого не понять! Ведь ты родился свободным, как птица!

– Я понимаю, – отвечал капитан...

Около двенадцати ночи Буш спустился по трапу. Он то и дело замедлял шаги, вскидывая кулак – «рот фронт!». Затем растопыривал пальцы, что означало – «виктори!». Победа!..

Капитан с пониманием глядел ему вслед...

На следующий день Буш появился в редакции. Он был возбужден, но трезв. Его сигареты распространяли благоуха-

ние. Авторучка «Паркер» выглядывала из бокового кармана.

Буш отдал статью машинисткам. Называлась она длинно и красиво: «Я вернусь, чтобы снова отведать ржаного хлеба!»

Статья начиналась так:

«Капитана Пауля Руди я застал в машинном отделении. Торговое судно „Эдельвейс“ готовится к отплытию. Изношенные механизмы требуют дополнительной проверки.

– Босса интересует только прибыль, – жалуется капитан. – Двадцать раз я советовал ему заменить цилиндры. Того и гляди лопнут прямо в открытом море. Сам-то босс путешествует на яхте. А мы тут загораем, как черти в преисподней...»

Конец был такой:

«Капитан вытер мозолистые руки паклей. Борода его лоснилась от мазута. Глиняная трубка оттягивала квадратную челюсть. Он подмигнул мне и сказал:

– Запомни, парень! Свобода – как воздух. Ты дышишь свободой и не замечаешь ее... Советским людям этого не понять. Ведь они родились свободными, как птицы. А меня поймет только рыба, выброшенная на берег... И потому – я вернусь! Я вернусь, чтобы снова отведать ржаного хлеба! Душистого хлеба свободы, равенства и братства!...»

– Неплохо, – сказал редактор, – живо, убедительно. Единственное, что меня смущает... Он действительно говорил нечто подобное?

Буш удивился:

– А что еще он мог сказать?

– Впрочем, да, конечно, – отступил редактор...

Статья была опубликована. На следующий день Буша вызвали к редактору. В кабинете сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти. Его лицо выражало полное равнодушие и одновременно крайнюю сосредоточенность.

Редактор как бы отодвинулся в тень. Мужчина же при всей его невыразительности распространился широко и основательно. Он заполнил собой все пространство номенклатурного кабинета. Даже гипсовый бюст Ленина на обтянутом кумачом постаменте уменьшился в размерах.

Мужчина поглядел на Буша и еле слышно выговорил:

– Рассказывайте.

Буш раздраженно переспросил:

– О чем? Кому? Вообще, простите, с кем имею честь?

Ответ был короткий, словно вычерченный пунктиром:

– О встрече... Мне... Сорокин... Полковник Сорокин...

Назвав свой чин, полковник замолчал, как будто вконец обессилев.

Что-то заставило Буша повиноваться. Буш начал пересказывать статью о капитане Руди.

Полковник слушал невнимательно. Вернее, он почти дремал. Он напоминал профессора, задавшего вопрос ленивому студенту. Вопрос, ответ на который ему заранее известен.

Буш говорил, придерживаясь фактов, изложенных в статье. Закончил речь патетически:

– Где ты, Пауль? Куда несет тебя ветер дальних странствий? Где ты сейчас, мой иностранный друг?!

– В тюрьме, – неожиданно ответил полковник.

Он хлопнул газетой по столу, как будто убивая муху, и четко выговорил:

– Пауль Руди находится в тюрьме. Мы арестовали его как изменника родины. Настоящая его фамилия – Рютти. Он – беглый эстонец. В семидесятом году рванул на байдарке через Швецию. Обосновался в Гамбурге. Женился на Луизе Рейшвиц. Четвертый год плавает на судах западногерманского торгового флота. Наконец совершил первый рейс в Эстонию. Мы его давно поджидали...

Полковник повернулся к редактору:

– Оставьте нас вдвоем.

Редактору было неловко, что его выгоняют из собственного кабинета. Он пробормотал:

– Да, я как раз собирался посмотреть иллюстрации.

И вышел.

Полковник обратился к Бушу:

– Что вы на это скажете?

– Я поражен. У меня нет слов!

– Как говорится, неувязка получилась.

Но Буш держался прежней версии:

– Я описал все, как было. О прошлом капитана Руди не догадывался. Воспринял его как прогрессивно мыслящего иностранца.

– Хорошо, – сказал полковник, – допустим. И все-таки случай для вас неприятный. Крайне неприятный. Пятно на вашей журналистской репутации. Я бы даже сказал – идеологический просчет. Потеря бдительности. Надо что-то делать...

– Что именно?

– Есть одна идея. Хотите нам помочь? А мы, соответственно, будем рекомендовать вас на штатную должность.

– В КГБ? – спросил Буш.

– Почему в КГБ? В газету «Советская Эстония». Вы же давно мечтаете о штатной работе. В наших силах ускорить это решение. Сроки зависят от вас.

Буш насторожился. Полковник Сорокин продолжал:

– Вы могли бы дать интересующие нас показания.

– То есть?

– Насчет капитана Руди... Дайте показания, что он хотел вас это самое... Употребить... Ну, в смысле полового извращения...

– Что?! – приподнялся Буш.

– Спокойно!

– Да за кого вы меня принимаете?! Вот уж не думал, что КГБ использует подобные методы!

Глаза полковника сверкнули бритвенными лезвиями. Он побагровел и выпрямился:

– Пожалуйста, без громких слов. Я вам советую подумать. На карту поставлено ваше будущее.

Но тут и Буш расправил плечи. Он медленно вынул пачку американских сигарет. Прикурил от зажигалки «Ронсон». Затем спокойно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.